

— Учитель Чэн, — по сравнению с Чэн Сюнем, холодное отношение Чан Ли можно было назвать почти дружелюбным. — Что вам нужно?

— Я получил письмо от старшего брата, главы секты. У него есть сообщение для тебя, — Чэн Сюнь передал Чан Ли нефритовую табличку, а затем добавил:

— И ещё, я хотел спросить, не было ли у тебя в последнее время новостей от нашего учителя?

— Спасибо, младший учитель не связывался со мной, — ответила Чан Ли.

Оба вопроса она задала без какого-либо перехода, но Чжун Минчжу уже привыкла к этому.

Учителем Чэн Сюня была Лун Тяньли, и с тех пор, как они расстались, он больше не видел её. Чжун Минчжу думала, что та отправилась на гору Хэсю раньше, но, судя по словам Чэн Сюня, что-то пошло не так. Ей стало любопытно, и она насторожилась, чтобы услышать больше.

Но Чан Ли, ответив на оба вопроса, замолчала. Любой другой наверняка спросил бы: «Что случилось с младшим учителем?», но Чан Ли совершенно не умела быть дипломатичной, и атмосфера мгновенно стала напряжённой.

Увидев, что Чэн Сюня оставили висеть в воздухе, Чжун Минчжу с трудом сдержала смех. Она хотела помочь Чан Ли спросить, но потом подумала, что у учителя плохой характер, и, если она вмешается, её могут отругать, поэтому решила промолчать.

Жо Е, увидев, насколько холодны отношения между учителем и ученицей, не знала, уйти ей или остаться, и невольно выразила смущение.

— Я несколько раз отправлял учителю сообщения, но не получил ответа. Я спрошу у старшего брата, главы секты, — наконец разорвал молчание Чэн Сюнь, но затем резко сменил тему:

— В практике боевых искусств важна усердность. Ты — учитель, и должна усердно наставлять своих учеников, а не позволять им бездельничать. Надеюсь, ты будешь вести себя соответственно.

Когда Чэн Сюнь покинул двор, Жо Е сразу же тихо спросила:

— Он что, не любит твоего учителя?

Услышав это, Чжун Минчжу не смогла сдержать усмешки. Даже Жо Е это заметила, что говорило о многом.

С первого раза, когда она увидела Чэн Сюня, она почувствовала, что он не такой дружелюбный, как другие учителя — по крайней мере, внешне.

Когда Чан Ли появилась, Чжун Минчжу только укрепилась в этом мнении. Хотя Чэн Сюнь не пренебрегал заботой о Чан Ли, он часто раздражался и всегда находил, к чему придраться.

Высокомерие, избалованность, неуважение к традициям и так далее.

Эти обвинения нельзя было назвать полностью беспочвенными, и хотя Чжун Минчжу относилась к ним с презрением, она понимала, что, как ученик праведной секты, у Чан Ли действительно было много недостатков.

Одно только то, что она относилась ко всем, включая старших, без особого уважения, уже

могло стать причиной для наказания. Хотя правила этикета и не были прямо прописаны в уставе секты, они были общеизвестны. Чан Ли могла вести себя так, как ей хотелось, только благодаря покровительству трёх старших мастеров и доброму характеру Юнь И. Остальные, хотя и выражали недовольство, чаще всего закрывали на это глаза.

Чэн Сюнь был первым, кто относился к Чан Ли как к обычному ученику, что вызывало у Чжун Минчжу одновременно недовольство и смех, а затем и любопытство.

Однажды она тайно спросила Чан Ли, не обидела ли она Чэн Сюня, но та ответила, что нет. Она только помнила, что в детстве видела его однажды, но даже не разговаривала с ним. Защитные барьеры пика Тяньтай были настолько сильны, что даже звук не мог пройти.

Размышляя, не стоит ли спросить кого-то ещё об их конфликте, Чжун Минчжу повернулась и заметила задумчивое выражение на лице Чан Ли. Она поняла, что та, вероятно, размышляет над словами «усердно наставлять», и поспешно сказала:

— Я ведь действительно усердно тренируюсь.

Чан Ли ничего не ответила, но Жо Е с сомнением посмотрела на неё и пробормотала:

— Мне кажется, ты действительно целыми днями ничего не делаешь...

— Пф, он просто искал повод отчитать моего учителя, наверное, из зависти, — с пренебрежением ответила Чжун Минчжу. — Среди тех, кто усердно тренируется, глупцов, которые не могут со мной сравниться, восемь из десяти.

— Как у тебя хватает наглости говорить такое? — Жо Е до сих пор не могла привыкнуть к безосновательной самоуверенности Чжун Минчжу.

Чжун Минчжу не стала с ней спорить. Видя, что Чан Ли становится всё более задумчивой, она решила, что та, возможно, действительно серьёзно размышляет над словами Чэн Сюня, и, не раздумывая, схватила её за рукав, мягко сказав:

— Учитель, не переживай. Индивидуальный подход к обучению — тоже хороший метод. К тому же я ведь действительно не бездельничаю. Кстати, старший брат, глава секты, прислал письмо. Может, там что-то срочное?

Её искреннее и послушное выражение лица озадачило Жо Е.

— Хорошо, — Чан Ли коснулась нефритовой таблички, а затем сказала:

— Старший брат слышал, что молодого господина Е пытались убить, и просит меня в ближайшие дни быть начеку, на всякий случай.

Сказав это, она пошла в дом, чтобы взять ящик для мечей. Меч «Фэньцзяо» был разрушен, и теперь в ящике лежали три обычных духовных меча. Обычные мечи не могли выдержать её ци меча и быстро разрушались, поэтому она положила в ящик все оставшиеся мечи. Чжун Минчжу, глядя на мечи, подумала, что их качество оставляет желать лучшего, и решила, что нужно будет найти для Чан Ли подходящий меч.

Хотя с её уровнем мастерства Чан Ли могла использовать даже травинку или цветок как меч, их сила всё равно не могла сравниться с духовным оружием, и в битве с сильным противником это могло стать проблемой.

В резиденции Е Чэньчжоу уже находились некоторые ученики Секты Тяньи, и Юнь И отправил Чан Ли туда для дополнительной безопасности.

Если говорить об уровне мастерства, Чан Ли не была лучшей среди практикующих уровня зарождающейся души, но в реальных боях большинство практикующих, чьё мастерство было выше, не могли с ней справиться. Кроме того, в городе Цзяояо были защитные барьеры, стража и такие практикующие, как Ли Лансюань, достигшие уровня преобразования духа и не планировавшие отправляться на гору Хэсю. Правила города Цзяояо гласили, что представители праведного и злого путей могли сражаться за пределами города, но внутри него открытые конфликты были запрещены. Цяньмянь Янь не мог рискнуть и проникнуть в резиденцию семьи Е.

Теоретически, Чан Ли не должно было грозить никакой опасности, но Чжун Минчжу подумала: если Цяньмянь Янь окажется сумасшедшим, то всё может пойти не по плану.

Но Е Чэньчжоу действительно находился в опасности, и Чан Ли не могла отказаться. Когда та уже подошла к двери, Чжун Минчжу вдруг вспомнила о вещи в своём кольце-хранилище и остановила её, отведя в сторону:

— Давай поменяемся кольцами, а потом вернём их обратно.

Жо Е была рядом, и, чтобы не вызвать подозрений, Чжун Минчжу не могла просто достать бамбуковый цилиндр Чжу Маолиня. Поэтому она просто обменялась кольцами с Чан Ли, сняв своё кольцо-хранилище и, подумав, вынула несколько духовных талисманов на случай чрезвычайной ситуации, а затем вручила его Чан Ли.

Чан Ли немного удивилась, но не стала спрашивать. В кольце-хранилище она использовала только несколько мечей, и теперь, когда они были извлечены, кольцо стало для неё бесполезным. Поэтому ей было всё равно, было ли это капризом Чжун Минчжу или чем-то более серьёзным.

Проводив Чан Ли, Чжун Минчжу взглянула на её кольцо-хранилище и не смогла сдержать смеха.

Там было много различных духовных трав и лекарств, но духовных камней осталось немного. Видимо, за последние сто лет она потратила большую их часть на создание талисманов, формирование массивов и изготовление артефактов. Практика массивов и талисманов сама по себе требовала больших затрат, а Чжун Минчжу позже изучала высокоуровневые массивы, и создание шестидесяти четырёх свитков Чжумин из красного золота тоже было непростой задачей. Сама Чан Ли никогда не покидала гору, и у неё не было возможности пополнить запасы духовных камней, так что они постепенно иссякли.

Чжун Минчжу представила, как однажды, когда все эти запасы закончатся, она обратится за помощью к Чан Ли, а та с невозмутимым лицом скажет: «Больше нет».

Это было бы забавно — она улыбнулась.

Жо Е, увидев, как она без причины улыбается, почувствовала лёгкий озноб и осторожно спросила:

— Ты что, сглазила себя?

И тут Чжун Минчжу очень вежливо сказала:

— Тебе пора идти, не заставляй молодого господина ждать, это невежливо.

На следующий день пришла новость о том, что Цзян Линьчжао пытался убить Наньмина, и все были в шоке.

Многие предположили, что это может быть связано с внутренними разногласиями в городе Юньчжун, но всё же оставалось непонятным. Цзян Линьчжао был близким другом Е Чэньчжоу, но всё же оставался посторонним и не мог вмешиваться в дела города Юньчжун. Хотя в городе и были скрытые конфликты, все фракции внешне вели себя вежливо, и его поступок явно нарушил это равновесие.

Кто-то сказал, что это было отчаяние.

Кто бы мог подумать, что этот элегантный и учтивый молодой человек прикажет своим подчинённым из города Чжулан перекрыть все проходы и без разбора атаковать Наньмина, а когда это не удалось, обвинит его в краже своих тайных техник.

<http://bllate.org/book/16292/1468845>